

А. ЧЕХОВ

ВАНЬКА

ХУДОЖНИК
БОРЯНИН
РЕЖИССОР

Ванька Жуков, девятилетний мальчик, отданный три месяца тому назад в ученье к сапожнику Аляхину, в ночь под рождество не ложился спать.

Дождавшись, когда хозяева и подмастерья ушли к заутрене, он достал из хозяйского шнапа пузырьёк с чернилами, ручку с заржавленным пером...

...и, разложив перед собой измятый лист бумаги, стал писать. 4

Прежде чем вывести первую букву, он несколько раз пугливо оглянулся на двери и окна, покосился на тёмный образ и прерывисто вздохнул.

„Милый дедушка, Нонстантин Макарыч! И пишу тебе письмо. Поздравляю вас с рождеством и желаю тебе всего от господа бога. Нету у меня ни отца, ни маменьки, только ты у меня один остался“.

Ванька перевёл глаза на тёмное окно, в котором мелькнуло отражение его свечки, и живо вообразил себе своего деда, служащего ночным сторожем у господ Живарёвых.

Это тощенький, но необыкновенно юркий старинашна, лет шестидесяти пяти. Днём он спит в людской кухне или балагурит с нухарнами,

ночью же, окутанный в просторный тулуп, ходит вокруг усадьбы и стучит в свою колотушку. За ним, опустив головы, шагают старая Наштанка и нобелён Вьюн.

Теперь, наверно, дед стоит у ворот и, притопывая валенками, балагурит с дворней.

— Табачку нечто нам понюхать? — говорит он, подставляя бабам свою табакерку. Бабы нюхают и чихают. Дед приходит в неописанный восторг.

Дают понюхать табак и собакам. Наштанка чихает, крутит мордой и, обиженная, отходит в сторону. Вьюн же из почтительности не чихает и вертит хвостом.

Ночь темна, но видно всю деревню с её белыми крышами и струйками дыма из труб. Небо усыпано звёздами, и Млечный Путь вырисовывается так ясно, как будто его перед праздником помыли и потёрли снегом...

Ванька вздохнул, утомнул перо и продолжал писать:

„А вчераь мне была выволочна. Хозяин выволок меня за волосы на двор и отчесал шпандырем за то, что я начал ихнего ребятёнка в люльке и по нечаянности заснул.

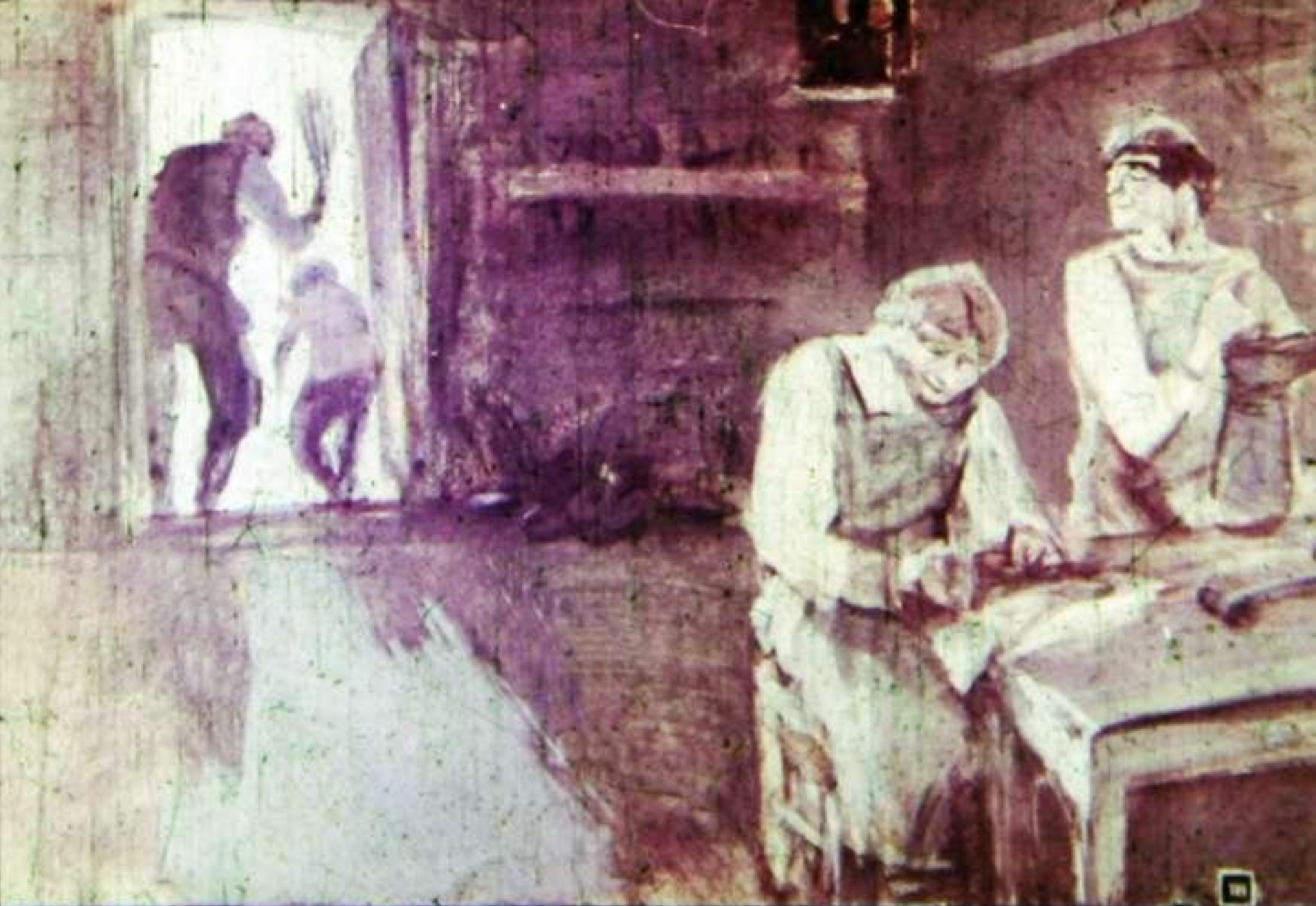

А на неделе хозяйка велела мне почистить селёдку, а я начал с хвоста, а она взяла селёдку и ейной мордой начала меня в харю тыкать.

Подмастерья надо мной насмеются, посылают в набак за водкой

и велют красть у хозяев огурцы, а хозяин бьёт чем попадя.

А еды нету никакой. Утром дают хлеба, в обед наши и к ве-
черу тоже хлеба,

а чтоб чаю или шей, то хозяева сами трескают.

**А спать мне велят в снях, а когда ребятёнок ихний плачет,
я вовсе не сплю, а качаю люльку.**

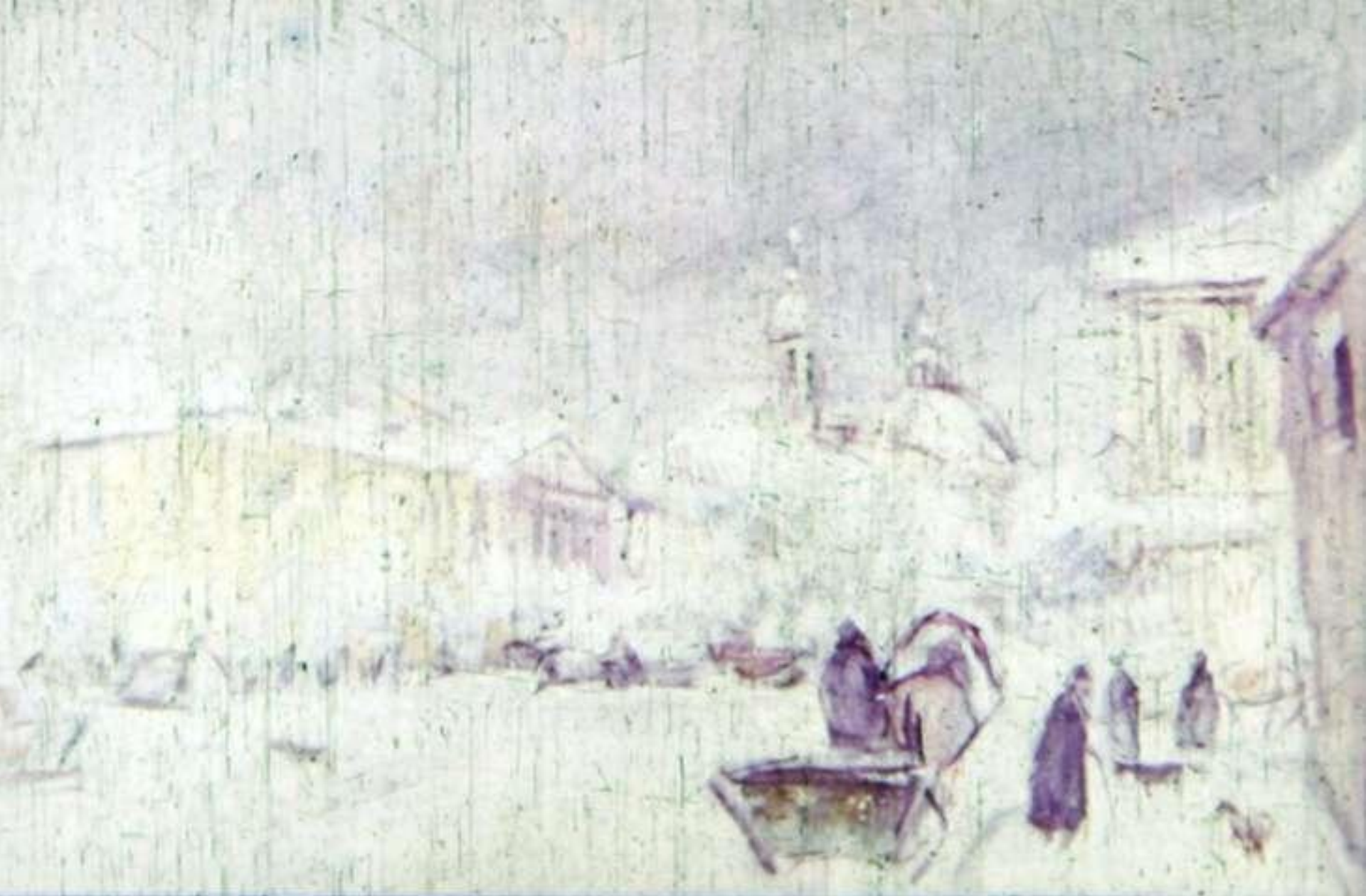

Милый дедушка, возьми меня отсюда домой, нету никакой моей возможности... Иланяюсь тебе в ножки и буду вечно бога молить, увези меня отсюда, а то помру...

Хотел было пешком на деревню бежать, да сапогов нету,
морозу боюсь. А когда вырасту большой, то буду тебя кор-
мить и в обиду никому не дам.

А Москва город большой. Дома все господские и лошадей много, а овец нету и собани не злые...

Милый дедушка, а когда у господ будет ёлка, возьми мне золочёный орех и в зелёный сундучок спрячь. Попроси у барышни Ольги Игнатьевны, скажи – для Ваньки". – Ванька судорожно вздохнул и опять уставился на окно.

Он вспомнил, что за ёлкой для господ всегда ходил в лес дед и брал с собою внука. Весёлое было время! И дед крячал, и мороз крячал, а глядя на чих, и Ванька крячал.

Бывало, прежде чем вырубить ёлку, дед долго нюхает табак и посмеивается над озябшим Ванюшкой...

Откуда ни возмись, по сугробам летит стрелой заяц... Дед не может, чтобы не крикнуть: „Держи, держи... держи! Ах, ну-цый дьявол!“

Срубленную ёлку дед тащил в господский дом,

а там принимались убирать её... Больше всех хлопотала барышня Ольга Игнатьевна, любимица Ваньки.

Когда ещё была жива Ванькина мать Пелагел и служила у господ в горничных, Ольга Игнатьевна кормила Ваньку леденцами и от нечего делать выучила его читать, писать, считать до ста.

Когда же Пелагея умерла, сироту Ваньку спроводили в людскую кухню к деду, а из кухни в Москву к сапожнику Аляхину...

ПРИЕЗЖАЙ, МИЛЫЙ ДЕДУШКА,
БОГОМ ТЕБЯ МОЛЮ,
ВОЗЬМИ МЕНЯ ОТСЕДА.
ПОЖАЛЕЙ ТЫ МЕНЯ,
СИРОТУ НЕЩАСТНУЮ,
А ТО МЕНЯ ВСЕ КОЛОТЯТ,
И КУШАТЬ СТРАСТЬ
ХОЧЕТСЯ, А СКУКА ТАКАЯ,
ЧТО И СКАЗАТЬ НЕЛЬЗЯ,
ВСЁ ПЛАЧУ.

„Приезжай, милый дедушка, – продолжал Ванька, – Христом богом тебя молю, возьми меня отседа. Пожалей ты меня, сироту несчастную, а то меня все колотят, и кушать страсть хочется, а скука такая, что и сказать нельзя, всё плачу. Остаюсь твой внук Иван Жуков“.

НА ДЕРЕВНЮ
ДЕДУШКЕ
КОНСТАНТИНУ
МАКАРЫЧУ

Ванька свернул вчетверо исписанный лист и вложил его в конверт, купленный накануне за копейку... Подумав немного, он написал адрес: на деревню дедушке Константину Макарычу.

Довольный тем, что ему не помешали писать, он надел шапку и, не набрасывая на себя шубейки, прямо в рубахе выбежал на улицу...

Ванька добежал до первого почтового ящика и сунул драгоценное письмо в щель...

Убаюканный сладкими надеждами, он час спустя крепко спал...

Ему снилась печка. На печи сидит дед, свесив босые ноги, и читает письмо нухарнам... Около печи ходит Вьюн и вертит хвостом...

КОНЕЦ

РЕДАКТОР Т. СЕМИБРАТОВА
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
А. МОРОЗОВ